

Эпизоды изъ обороны Портъ-Артура.

Бой подъ землей ¹⁾.

еще до вылазки, опредѣлившей мѣсто японскихъ минныхъ работъ, съ нашего форта повели противъ японцевъ контръ-минныя галлерей.

Сущность этихъ работъ заключается въ томъ, что, когда галлерей дойдутъ до непріятельскихъ галлерей, то послѣднія взрываются.

Если же заблаговременно не разрушить непріятельскихъ галлерей, то непріятель взорветъ фортъ.

Когда въ августѣ японцы залегли подъ фортомъ № 2, то прежде всего явилась мысль, что они поведутъ противъ насъ мины. На этотъ случай контръ-минныя галлерей въ крѣпостяхъ существуютъ въ мирное время, чего, конечно, на нашемъ форту не было. Пришлось начать эту работу во время осады.

За рвомъ подъ землей находился капониръ, бетонный казематъ съ бойницами для обстрѣливанія рва.

Это былъ низкій, темный сводчатый коридоръ, опоясывавшій ровъ съ фронта и съ обоихъ боковыхъ фасовъ. Свѣтъ едва проникалъ въ узкія щели бойницъ.

Въ капонирѣ была вѣчная сырость, такъ присущая крѣпостнымъ казематамъ, было мрачно и холодно. Въ поворотахъ коридора стояли пушки и пулеметы.

¹⁾ См. „Русская Старина“ февраль 1913 г.

Для того, чтобы изъ капонира выйти на свѣтъ Божій, надо было дойти до задняго конца, опуститься на нѣсколько ступеней подъ дно рва. Пройдя по дну рва, опять взобраться по лѣстницѣ и попасть въ казематъ, стоящій уже на поверхности земли.

Контръ-минныя галлерей велись изъ капонира. Въ твердомъ каменистомъ грунтѣ и при тускломъ свѣтѣ огарка работало два сапера. Безпрерывно отбивая киркой и мотыгой кусочки камня, саперы за день едва проходили аршинъ. Передній саперъ шелъ впередъ, а задній уширять галлереею до ширины, достаточной для прохода человѣка.

Это была тяжелая, изнурительная работа въ вѣчномъ ожиданіи ежеминутно быть взорваннымъ на воздухъ непріателемъ.

Молодой минный офицеръ, поручикъ Р., спалъ рядомъ со мной. Въ пальто, при шашкѣ и револьверѣ проводили мы тревожныя бессонныя ночи на неудобныхъ нарахъ бокъ о бокъ съ солдатами. Каждый четный часъ мы по очереди будили другъ друга и шли провѣрять нашихъ людей: онъ въ минную галлереею, я къ пушкамъ.

Въ одно утро на разсвѣтѣ поручикъ Р., возвратившись изъ галлерей, сообщилъ мнѣ, что слышитъ неясные отдаленные звуки и предполагаетъ, что это стукъ отъ работы японскихъ минеровъ. Черезъ минуту мы были оба въ галлерей.

Саперы работали уже недѣли четыре. За это время они успѣли пройти 5—6 сажень. Галлереея была узкая, едва достаточная для прохода человѣка, съ неровными каменистыми стѣнами и низенькимъ потолкомъ. Передняя часть ея была освѣщена, а задняя оставалась темной.

Спотыкаясь о неровные камни, доползли мы до головы галлерей. Поручикъ приказалъ прекратить стукъ, и мы стали прислушиваться, не шевелясь и затаивъ дыханіе.

Сначала я ничего не разбиралъ, но послѣ нѣкотораго напряженія услышалъ далекіе, чуть замѣтные звуки. При каждомъ звукѣ поручикъ поднималъ палецъ, какъ бы указывая мнѣ.

— Ну что?—спросилъ онъ немного погодя.

Я признался, что звуки слышны, хотя и весьма неясно.

Выбравшись на поверхность земли, мы пошли будить коменданта. Добрѣйшій поручикъ Р. былъ сильно взволнованъ. Ему первому въ крѣпости придется вступить въ настоящій подземный минный бой съ непріателемъ. До сихъ поръ все это продѣлывалось на маневрахъ, а теперь... теперь это настоящая минная война, какъ въ Севастополѣ. Поручикъ оживленно объяснялъ мнѣ это, нервно и горячо жестикулировалъ и клялся, что не допустить японскихъ минеровъ ни на шагъ къ форту.

— Какъ они подойдутъ, я и трахъ фугасомъ по головѣ... они опять подойдутъ, я опять фугасомъ,—безпрерывно вздергивалъ онъ руками, изображая эффектъ взрывающагося фугаса.

Черезъ полчаса онъ ушелъ въ галерею и уже оттуда не выходилъ. Ему носили туда и чай, и супъ изъ конины, и „тѣло усопшаго бригадира“, и коньякъ для бодрости. Ни на минуту ему не приходила мысль, что онъ можетъ быть взорваннымъ вмѣстѣ со своими землеробами.

— О, нѣтъ! Я ихъ взорву раньше,—бодро увѣрялъ онъ.

Но вскорѣ его постигло разочарованіе. Комиссія, назначенная высшимъ начальствомъ, прибыла на фортъ и, посидѣвъ въ галереѣ, заявила, что никакихъ звуковъ нѣтъ. Комиссія состояла изъ людей опытныхъ и зрѣлыхъ, но, увы, пожилыхъ, а потому обладавшихъ слухомъ нѣсколько ослабѣвшимъ. Почтенные полковники и генералы долго и искренно прислушивались, но ничего не услышали.

Комиссія уѣхала въ 2 часа, а уже въ 8 часовъ вечера звуки были явственно и вполне отчетливо слышны. Можно было не сомнѣваться, что на этотъ разъ ихъ услышатъ и члены комиссіи. Послѣ продолжительныхъ и убѣдительныхъ приглашеній по телефону они снова пріѣхали и признали опредѣленно, что невдалекѣ идетъ работа японскаго минера.

Дальнѣйшую работу надо было вести осторожно и въ постоянномъ ожиданіи встрѣчи съ японцами. По нѣскольکو разъ комендантъ форта, офицеры, навѣзавшее начальство навѣдывались въ галерею. Звуки становились все яснѣе и яснѣе.

— Тукъ, тукъ! Тукъ, тукъ! — непрерывно слышались удары о камень.

Черезъ два дня лишь нѣскольکو аршинъ раздѣляло нашихъ и непріятельскихъ минеровъ.

Несомнѣнно, и они слышали стукъ нашихъ минеровъ, но, очевидно, считали, что еще рано насъ взрывать.

Надо было намъ торопиться взрывомъ.

Послѣ неизбежной комиссіи рѣшено было немедленно взрывать японцевъ. Поручикъ Р. вышелъ изъ галереи и въ казематѣ коменданта форта совместно съ инженернымъ полковникомъ вычислялъ количество пороха для фугаса.

Количество это вычисляется по формулѣ, извѣстной каждому юнкеру. Но здѣсь при практическомъ пользованіи этой формулой явился нѣкій коэффиціентъ, затруднявшій нашихъ минеровъ. Коэффиціентъ этотъ былъ грунтъ, неизвѣстнаго сопротивленія, твердый, хрящеватый, камень, который составлялъ почву Портъ-Артура.

Взрывъ нужно было сдѣлать небольшой. Надо было только раз-

рушить японскую галерею, но отнюдь не произвести изрытія на поверхности земли, иначе это изрытіе послужило бы готовымъ окопомъ для японцевъ.

Съ другой стороны опасались взять мало,—тогда и галереи не разрушились бы.

Долго спорили минеры и порѣшили, что все-таки лучше побольше пороху. Все вѣрнѣе будетъ.

Между тѣмъ головы нашей и японской галерей уже совсѣмъ сошлись.

Саперовъ мѣняли черезъ часъ. Каждый изъ нихъ входилъ въ галерею, какъ приговоренный къ смерти.

Въ такой близости естественно было ожидать, что уже японцы закладываютъ зарядъ. Наши саперы поддерживали такъ называемый ложный стукъ, т. е. стучали тупыми концами мотыги, отнюдь не ковыряя камня, а давая лишь иллюзію звука. Это было необходимо, такъ какъ, если бы не было стука, японцамъ было бы ясно, что мы закладываемъ зарядъ, и они поторопились бы насъ взорвать.

— Дайте пороху,—обратился ко мнѣ Р.

Увы, я долженъ былъ сказать, что его надежды на мой порохъ весьма неосновательны. У меня было всего лишь нѣсколько зарядовъ и снарядовъ на случай штурма. При томъ эти заряды составляли лишь десятую часть того, что мнѣ нужно было.

— А гдѣ же достать пороха? — новый недоумѣвающий вопросъ.

Я посоветовалъ обратиться къ артиллерійскому начальству.

— Порохъ? — кричало начальство въ телефонъ. — А зачѣмъ? А у васъ нѣтъ своего?

— Своего нѣтъ, а надо рвать минную галерею.

— Порохъ намъ самимъ нуженъ... ну, а впрочемъ, позвоните въ арсеналь.

— Порохъ есть,—кричали изъ арсенала,—а на чемъ доставить? Дайте двуколки.

— Ваше превосходительство,—надрывался поручикъ Р.,—прикажите подать двуколки.

— Потребуйте изъ такого-то полка,—разрѣшило большое начальство,—скажите, что я приказалъ.

— Такъ что двуколки уѣхали за кониной, — отвѣчали изъ такого-то полка,—когда вернутся, вышлемъ.

Хорошо сказать „когда вернутся!“ Въ галереѣ уже камешки со стѣны осыпаются отъ стука непріятельскихъ минеровъ, такъ они близки. Каждую секунду нужно ждать, что насъ взорвутъ.

Поручикъ Р., растерянный, вѣшаетъ трубку. Офицеры негоду-

ють, комендантъ сердится. Онъ похаживаетъ по каземату и язвительно повторяетъ:

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ.

Наконецъ новая мысль осѣняетъ поручика Р.

— Дайте такой-то полкъ,—звонить онъ.

— Готово... Хорошо... Эй, вы, послушайте... приказано послать коннаго охотника, чтобы опрокинули съ двуколокъ конину, а двуколкамъ скакать во весь духъ въ арсеналь... немедленно... кто принялъ? Писарь такой-то... На твоей отвѣтственности, чтобы сейчасъ же выслали.

— Ну, что же,—говоритъ командиръ форта,—часа черезъ два пріѣдутъ,—а до тѣхъ поръ нужно попросить японцевъ подождать.

Нѣсколько часовъ томительнаго долгаго ожиданія. Каждую секунду ждешь взрыва и грохота. Обреченные саперы сидятъ въ галлерей, съ покорнымъ видомъ долбятъ предъ самымъ лицомъ смерти. А пороха нѣтъ и нѣтъ.

Волненіе овладѣваетъ гарнизономъ. Комендантъ пересталъ явить и сердиться, ходить по форту, водворяя порядокъ. Его боятся, его уважаютъ, ему вѣрятъ. Солдаты понемногу успокаиваются, но всякіе писаря, фельдшера и прочіе фурштаты норовятъ юркнуть черезъ узкій мостикъ вонъ съ форта.

Но вотъ, наконецъ, показываются двуколки. Ящики съ порохомъ торопливо и нервно скидываются. Подъ наблюденіемъ Р. ихъ волокутъ въ галлерей.

Начинается работа еще болѣе опасная, чѣмъ предыдущее ожиданіе, но зато нетомительная; это не покорное ожиданіе смерти, а опредѣленная живая дѣятельность съ надеждой на результатъ.

— Ужъ если успѣемъ, то зададимъ,—подбодряетъ себя мыслью каждый работающій въ эту тяжелую, напряженную минуту.

Тревожную ночь провелъ гарнизонъ. Никто не спалъ. На форту былъ слышенъ тихій шумъ, производимый неспящими солдатами, поминутно бѣгали съ приказаніями, звенѣли телефоны.

Разсвѣтъ принесъ облегченіе. Все было готово: забивка сдѣлана, провода проведены, оставалось рвать.

И вдругъ рѣзкій звонокъ телефона:

— Коменданта къ телефону,—послышался шепотъ, передаваемый по форту.

Комендантъ, придерживая шашку, бѣгомъ побѣжалъ къ аппарату.

Черезъ минуту онъ вернулся въ офицерскій казематъ и началъ ходить взадъ и впередъ.

— Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ... Подождите взрывать,—обратился онъ неожиданно къ поручику Р.

— Почему?—остолбенѣлъ Р., а за нимъ и мы.

— Большое начальство сказало, что само пріѣдетъ и взорветъ... само нажметъ кнопку взрывателя...

— Да вы шутите!—воскликнулъ кто-то.

— Это не моя шутка,—сердито отвѣчаетъ комендантъ и выходитъ изъ каземата.

Наступаетъ новое тяжелое ожиданіе на этотъ разъ уже по волѣ начальства. Время идетъ необыкновенно долго. Какое-то отупѣніе овладѣло всѣми. Ждешь, ждешь, а конца все нѣтъ. Иногда кто-нибудь вскакиваетъ, выбѣгаетъ изъ каземата и нетерпѣливо вглядывается въ узкую глубокую траншею, дорогу на фортъ.

Наконецъ пріѣхало и начальство, и спустя нѣсколько минутъ тяжелый грохотъ взрыва возвѣстилъ о дѣйствиіи нашей мины.

Наши минеры ошиблись въ своихъ вычисленіяхъ. Громадное облако взлетѣвшей земли, дыму и какихъ-то желѣзныхъ обломковъ показало, что взрывъ, вопреки нашимъ намѣреніямъ, вышелъ на поверхность земли. Дѣйствительно, одновременно съ разрушеніемъ непріятельской галлерей пробили толщу земли, составлявшую потолокъ галлерей.

Въ большую круглую дыру въ потолокъ виденъ былъ кусокъ облачнаго неба и хмурая оборванная тучка. Мы осторожно подходили къ этому отверстию, держа револьверы въ рукахъ, въ ежеминутномъ ожиданіи увидѣть японца наверху.

Дѣло усложнялось. Черезъ это отверстіе могъ влѣзть непріятель въ галлерей, вытѣснить насъ оттуда и на нашихъ плечахъ ворваться въ фортъ. Усталые, изнуренные безсонной тревожной ночью, мы долго не могли рѣшить, что намъ предпринять. Кто-то подалъ мысль поставить у отверстія часовыхъ и возможно чаще ихъ смѣнять. Мысль далеко не удачная, но въ нашемъ обезсиленномъ сознаніи она не встрѣтила никакого протеста.

Часовые были поставлены, и мы пошли отдыхать. За исключеніемъ очередныхъ дежурныхъ всѣ воспользовались возможностью основательно выспаться.

Часа черезъ три насъ подняла на ноги новая тревога: въ нашей галлерей оказался непріятель. Японцы весьма просто разрѣшили задачу, поставленную имъ. Пара ручныхъ бомбочекъ, брошенныхъ въ отверстіе галлерей сверху, убила нашихъ часовыхъ, и нѣсколько десятковъ японцевъ моментально вскочили въ галлерей.

Когда я прибѣжалъ въ капониръ, въ немъ было полно нашихъ солдатъ. Въ концѣ галлерей суетился взволнованный комендантъ и уговаривалъ стрѣлковъ оттащить пулеметъ, стоявшій въ поворотѣ капонира. Галлерей шла перпендикулярно къ коридору капонира.

Коридоръ капонира былъ въ нашихъ рукахъ, галлерей въ японскихъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ отъ капонира отходитъ перпендикулярный коридоръ галлерей, и стоялъ пулеметъ. Онъ былъ такимъ образомъ въ нейтральной зонѣ.

Каждого изъ нашихъ, кто бы сунулся къ пулемету, встрѣтилъ бы градъ японскихъ пуль, и изъ галлерей одинаково, каждого японца, подошедшаго къ пулемету, встрѣтили бы валы нашихъ стрѣлковъ изъ капонира.

Капитанъ въ своихъ золотыхъ очкахъ и надвинутой папахѣ плаксиво кричалъ.

— Дорогіе стрѣлочки! Милые, родные! Оттащите пулеметъ! Не посрамите!... Землячки... Неужто отдадимъ японцамъ!...

У храбраго капитана была удивительная манера: командовать въ минуту опасности плаксивымъ голосомъ. Лѣзетъ прямо на смерть съ невѣроятной смѣлостью и пищить при этомъ плачущимъ голосомъ, какъ страдающая женщина.

Стрѣлки совались къ пулемету, падали раневые, но никто не могъ зацѣпить веревкой съ крюкомъ за пулеметъ. А капитанъ все плакалъ, бѣгалъ и умолялъ.

— Дайте бомбочекъ,—закричалъ онъ вдругъ изступленно,—мы ихъ бомбочками выкуримъ, мерзавцевъ.

Притащили бомбочекъ. Изъ двухъ холщевыхъ мѣшковъ посыпались на землю невысокіе пироксилиновые цилиндры. Изъ середины каждой бомбочки торчала тоненькая кишка съ пороховой мякотью съ полъаршина длины.

Солдаты хватали эти цилиндры, обрѣзывали покороче кишку съ мякотью и прикладывали спички къ надрѣзу кишки.—Ш-ш-ш-ш— раздавалось рѣзкое шипѣнье... Одна секунда, и взрывъ... Но солдаты, подбѣгая къ повороту, ловко швырялъ бомбочку въ галлерей. Раздавался рѣзкій звукъ, и за нимъ спустя пару секундъ трескъ взрыва.

Эти бомбочки, кидавшіяся вручную, давно уже были въ употребленіи въ крѣпости. Когда враги подходили другъ къ другу на нѣсколько шаговъ, то прежде чѣмъ преодолѣть это послѣднее, самое страшное разстояніе, пускались въ ходъ бомбочки. Солдаты зажигали ихъ спичками, трутомъ, а чаще всего прикладывали горящую папиросу.

Пороховая мякоть сейчасъ же загоралась, и нужно было, не теряя времени, швырять бомбочку, чтобы она не разорвалась въ рукахъ. Пущенныя въ капонирѣ въ ходъ бомбочки сразу улучшили дѣло. Подъ впечатлѣніемъ оглушительныхъ разрывовъ,

японцы не замѣтили, какъ два стрѣлка быстро зацѣпили за пулеметь и потащили его въ нашу сторону.

Вскорѣ непріятель опомнился и воспользовался тѣмъ же оружіемъ, что и мы. Первыя прилетѣвшія его бомбочки произвели очень сильный эффектъ. Въ низкомъ, узкомъ, сводчатомъ коридорѣ онѣ рвались съ невѣроятной силой, образовавшіеся газы ударялись о стѣнки и потолокъ и, не находя себѣ выхода, съ рокотаніемъ проносились по коридору, душа отравительнымъ воздухомъ людей.

Вотъ понесли коменданта въ обожженномъ пальто, безъ очковъ, всего обсыпаннаго мелкимъ каменистымъ пескомъ.

Сильная рвота и судороги.

Бомбочка могла и убить, если разорвется близко, но чаще всего она легко ранила или отравляла газами пироксилина.

Въ такихъ случаяхъ солдатъ на нѣсколько часовъ, рѣдко на нѣсколько дней выбывалъ изъ строя. И въ этотъ день, всѣ офицеры, по очереди, становившіеся на этотъ тяжелый постъ въ капонирѣ, къ вечеру приходили въ себя послѣ отравленія газами.

Эта страшная, бесплодная борьба продолжалась нѣсколько часовъ. Безпрерывно выносили убитыхъ, раненыхъ и отравленныхъ солдатъ, но положеніе продолжалось оставаться прежнимъ: капониръ нашъ, галлерей ихъ. Казалось, не было конца этому бесполезному кровопролитію. Гарнизонъ таялъ, но обѣ стороны упорно и жестоко стояли на своихъ мѣстахъ.

Выручилъ случай, „Его Величество случай“, этотъ часто неожиданный и рѣшительный факторъ на войнѣ.

Наша бомбочка попала въ ихъ мѣшокъ или складъ бомбочекъ и произвела потрясающій эффектъ: отъ необыкновенной силы взрыва попадали люди, стоящіе въ передней части капонира. И когда мы бросились въ галлерей, жалкіе исковерканные остатки людей, обгорѣлые куски мундировъ, свернувшіеся, какъ обгорѣлая бумага, оборванный пулеметь открыли передъ нами ужасную картину разрушенія. Галлерей была снова наша, но, увы, не надолго.

На другой день японцы снова штурмовали галлерей, овладѣли ею и едва не захватили капониръ. Лишь благодаря находчивости Р., перегородившаго коридоръ капонира стѣнкой изъ мѣшковъ съ землею (траверсомъ), большая часть капонира осталась за нами.

Еще полтора мѣсяца шли бои въ этомъ коридорѣ. Онъ былъ весь перегороженъ траверсами въ шахматномъ порядкѣ. Стѣнки эти перегораживали коридоръ, но не шли вплотную отъ стѣны до стѣны. Траверсъ шелъ отъ одной стѣны перпендикуляромъ и, не доходя другой стѣны, оканчивался, оставляя свободный проходъ. Слѣдующій траверсъ шелъ отъ другой стѣны.

Въ траверсахъ были продѣланы бойницы для ружей. Съ жестокимъ кровопролитіемъ брали японцы траверсъ за траверсомъ въ теченіе семи недѣль. Иногда нѣсколько дней тратили они, чтобы захватить нѣсколько саженой коридора, чтобы на другой снова отдать это намъ.

Лишь 5 декабря, овладѣвъ фортomъ на поверхности земли, они заставили уступить и подъ землей защитниковъ этого коридора, и безъ боя получили послѣдній кусочекъ разрушеннаго капонира.

К. Шумскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

